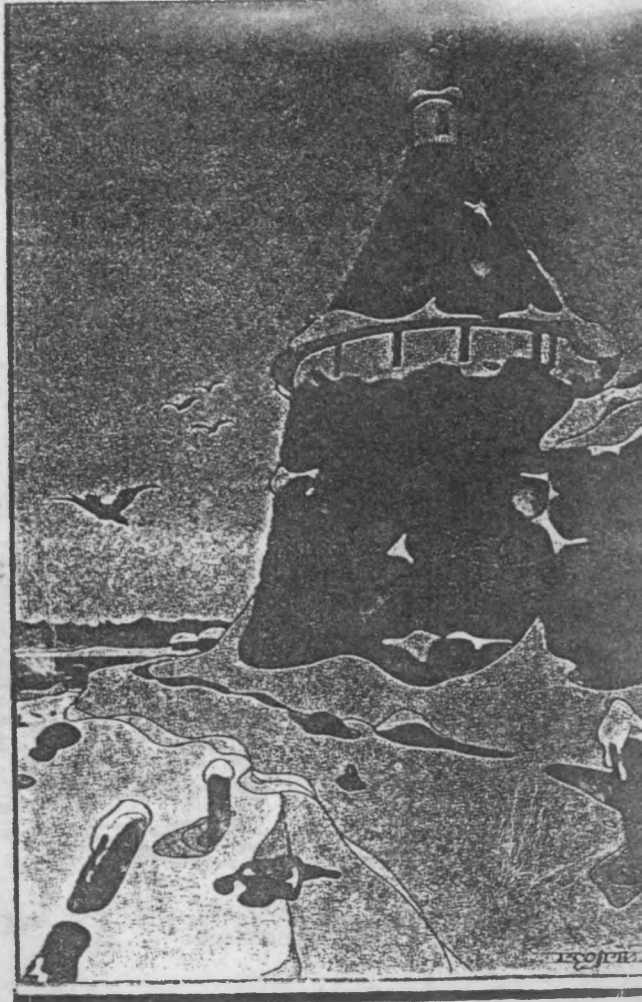

СОЛОВЕЦКАЯ МУЗА

СОЛОВЕЦКАЯ МУЗА

СТИХИ И ПЕСНИ
ЗАКЛЮЧЕННЫХ СЛОНа

Начало
Заросшей
от солонч
их песен.

Москва
"Возвращение"

1992

В. В. Губ

ПОЭТЫ - УЗНИКИ ГУЛАГа

Малая серия

3.01.1992

Тираж 100 экз.

© "Возвращение"

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Весной 1923 года во исполнение Декрета ВЦИК "О лагерях принудительных работ" все-российская святыня Соловецкий монастырь на Белом море был преобразован в Соловецкие лагерь особого назначения ОГПУ (СЛОН), и 6 июня туда привезли первый этап заключенных - уголовников и "казров", то есть контрреволюционеров.

Начальник лагеря Ногтев перед каждым вновь прибывшим этапом держал речь, поясняя, что такое Соловецкие лагерь особого назначения: "Здесь власть не советская, а соловецкая. Сюда нога прокурора не ступала. Вам давно пора понять, что мы - победители, а вы - побежденные. Мы совсем не собираемся устраивать так, чтобы вам было хорошо, и нам нет дела до вашего недовольства. - И в заключение давал совет: - По-моему, вам гораздо проще сразу повеситься".

В лагерь принудительных работ, по разъяснению того же Декрета ВЦИК, направлялись "паразитические элементы населения", "в случае, если дознанием не установлено достаточных данных для направления дел о них в порядке уголовного преследования". Заместитель Дзержинского Мартин Лацис в статье, опубликованной в "Правде", объяснил, как ЧК практически осуществляет этот Декрет: "Мы не ведем войны против отдельных лиц, мы истребляем буржуазию как класс. Не ищите на следствии материала и доказательств того, что обвиняемый действовал д е л о м или с л о в о м против советской власти. Первый вопрос, который вы должны ему предложить, какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны определить судьбу обвиняемого. В этом смысле и сущность красного террора".

К буржуазии большевики относили интеллигенцию, дворян, священников, офицеров, ученых, литераторов, художников, учителей, актеров, крестьян, имевших свое хозяйство, кадровых рабочих, которых до революции та же большевистская печать называла "сознательными" и "рабочими-интеллигентами".

Соловки - первый крупный лагерь ГУЛАГа, и в нем опробывались методы работы этого учреждения. Все ужасы, унижения, эксплуатация, пытки, убийства заключенных, которые известны по воспоминаниям узников лагерей, уже существовали и применялись на Соловках. Там царствовал полный произвол.

В 1937 году Соловецкий лагерь был преобразован в Соловецкую тюрьму особого назначения, перед войной закрыт, а заключенные отправлены в Норильские, Воркутинские, Колымские лагеря.

Отданные в полную власть чекистам, люди могли противопоставить насилию только силу духа. И в то время, как у тюремщиков происходил распад личности, и они превращались в примитивных уголовных подонков, заключенные сохраняли человеческий облик, человеческие чувства и разум, а иные испытывали высочайший духовный и религиозный подъем.

Это они, не сломившиеся "казры" начала 20-х годов - первые жертвы коммунистического режима, выстояв, сохранили для нас самое драгоценное достояние нации - культуру и духовные основы жизни.

В.Б. Муравьев

П Е С Н И

СЕКИРНАЯ ГОРА

На седьмой версте стоит Секирная гора,
Там творились страшные дела:
В муравейник нас сажали,
Шкуру заживо снимали,
Ох, зачем нас мама родила?!
Много, много видела Секирная гора,
Под горой под той зарыты мертвые тела.
Буря по лесу гуляет,
Мама родная не знает,
Где зарыты косточки сына.

1920-е годы

С УТРА ДО ПОЗДНЕЙ НОЧЕНЬКИ В ЛЕСУ

С утра до поздней ноченьки в лесу
Пилим, колем елку и сосну.
Пилим, колем и складаем,
ГПУ мы проклинаям, -
Ах, зачем нас мама родила?!

Ах, сколько было, было там чудес!
Об этом знает только темный лес.
На пеньки нас становили,
Раздевали и лупили, -
Ах, зачем нас мама родила?!

1920-е годы

МОРЕ БЕЛОЕ - ВОДНАЯ ШИРЬ

Море Белое - водная ширь,
Соловецкий былой монастырь.
И со всех концов русской земли
Нас любовно сюда привезли.

П р и п е в:

Всех, кто наградил нас Соловками,
Просим, приезжайте сюда сами,
Посидите здесь годочков три иль пять -
Будете с восторгом вспоминать.

Соблюдая кодекс трудовой,
Охраняет нас милый конвой,
А зимой стерегут от беды
Цельх полгода крепкие льды.

П р и п е в.

Хороши по весне комары,
Чуден вид от Секирной горы.
И от разных ударных работ
Здоровеет веселый народ.

П р и п е в.

Привезли нам надежд полный куль
Бокий, Фельдман, Филиппов и Вуль,
А назад повезет Катанян
Только грустный напев соловчан.

П р и п е в.

Так живем мы, не зная тоски,
Благовонной покушав трески,
И, вернувшись в родительский дом,
С умилением тихо споем.

П р и п е в:

Всех, кто наградил нас Соловками,
Просим, приезжайте сюда сами.
Посидите здесь годочков три иль пять -
Будете с восторгом вспоминать.

СОЛОВКИ

Занесет нас зимою метель
И спрячет на полгода в щель,
Но не знают совсем Соловки
Ни забот, ни тревог, ни тоски...

П р и п е в.

Хорошо из дали Соловецкой
В мир глядеть с улыбкою нам детской.
И куда ты ни посмотришь - там и тут -
Песенки веселые поют!

От метелей морозных и выюг
Мы, как чайки, вернемся на юг.
И сверкнут позади огоньки -
Соловки, Соловки, Соловки!

П р и п е в.

И когда-нибудь тихой зимой
Мы сберемся знакомой толпой,
И беззлобно начнут старики
Вспоминать Соловки, Соловки!

П р и п е в:

Хорошо из дали Соловецкой
В мир глядеть с улыбкою нам детской.
И куда ты ни посмотришь - там и тут -
Песенки веселые поют!

Михаил ФРОЛОВСКИЙ
СОЛОВКИ
Сонет

Упорно шли на север поколения
Безмолвною борьбой утомлены,
Измучены, но не побеждены,
Победы предвкушая наслажденья.

Ослабевали страстные виденья
И отступали огненные сны,
Когда высокой вековой стены
Смыкали круг тяжелые каменья.

Себя сама не в силах побороть,
Воздвигла их буйная плоть,
И, памятник борьбы неумолимой,
Из вздохов, слез, молитвы и постов
Встал монастырь, монах неустомимый,
Над зеленью пустынных островов.

* * *

Тяжело сдавлили своды,
Тяжело гнетет тюрьма,
Мутным призраком свободы
За решеткой дразнит тьма.

Спит тюрьма и трудно дышит,
Каждый вздох - тоска и стон,
Только мертвый камень слышит,
Ничего не скажет он.

Но когда последней дрожью
Содрогнется шар земной,
Вопль камней к престолу Божью
Пронесется в тьме ночной.

И когда, трубе послушный,
Мир стряхнет последний сон,
Вспомнит камень равнодушный
Каждый вздох и каждый стон.

И когда последний пламень
Опалит и свет и тьму,
Все расскажет мертвый камень,
Камень, сложенный в тюрьму.

Спит тюрьма и тяжело дышит,
Каждый вздох - тоска и стон,
Неподкупный камень слышит,
Богу все расскажет он.

1925 год.
Великий четверг.

Борис ЕВРЕИНОВ

ВОСКРЕСНЫМ ДНЕМ

Теперь мне все равно,
где молодость моя проходит.

В. Лозина-Лозинский.

Бродить бесцельно меж камней лишайных
Расписанных, как танки, в дикий цвет...
И вдруг шаги остановить случайно,
Заметив чайки ловкий пируэт.

Затем дойти до двух глухих часовен
Запущенной извилистой тропой.
И у колодца из трухлявых бревен
Испить ненарушаемый покой.

И выйдя к морю, стершему все грани,
Где на песке следы от неводов,
Прилечь под солнцем, грезя без желаний,
И слушать волн напевный часослов.

А в зыбком мареве на горизонте
Искать видения материка...
О перчитанном не думать Конте
И лишь о Вас грустить издалика.

1926

Виктор ХАРАТЧИНСКИЙ

ТИФ

Недаром я судьбы оскал
Встречаю трепетом объятий,
В ее улыбке холод скал
И Соловецкие закаты.

Иду с горящей головой,
Бреду, шатаюсь, словно пьяный,
А позади идет конвой,
Уставя в спину мне наганы.

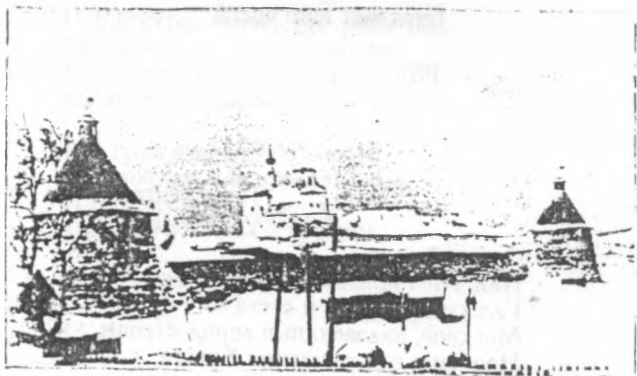
Вокруг сосновые боры,
Деревья пляшут в луином свете,
И душный запах камфары
Меня встречает в лазарете.

Отец НИКОЛАЙ
(В. Лозина-Лозинский)

День погас... В туманной просияни
Я иду вокруг кремля...
Тишина в закате осени,
Дышит холодом земля.

В полутьме идешь да молишься
Или смотришь чутко вдаль,
Как над морем ветер с полюса
Стелет снежную вуаль.

Как, теперь уже не страшными,
Смотрят бойницы из стен,
Где в кремле, за старой башнею,
Я несу свой долгий плен.

Но из башни, много видевшей,
Знавшей много долгих лет,
Я судьбе, меня обидевшей,
Не пошлю укора вслед.

Но и стока бездорожного,
Где я жизни шпиль тяну,
Покорясь велению Божьему,
Я теперь не прокляну.

Я привык к его развалинам,
К теням храмов и камней,
К их святыням опечаленным,
К скорби Божьих алтарей.

Веря в то, что нет проклятия,
Где изранен, но святой
Вечный образ Богородицы
Охраняет наш покой.

1926

• • •

Посвящается
архиепископу Илариону.

Над этим полным страха строем,
Где грех, и ложь, и суета -
Мы свой, надзвездный город строим,
Наш мир под знаменем Креста.

Настанет день, и в час расплаты
За годы крови и тревог
Когда-то на земле распятый
На землю снова снидет Бог.

С Крестом, как с символом спасенья,
Он воззовет и рай и ад:
И, се, расторгнутся каменья,
Се, бездны тайны возвестят.

Полярные растают льдины,
Погаснет солнце навсегда,
И первозданные глубины
Откроет каждая звезда.

Тогда из тьмы времен смятенных
В последнем ужасе угроз
Восстанут души убиенных
За имя вечное - Христос.

И Бог страдавший, Бог распятый,
Он примет подвиг их земной:
Его посол шестикрылатый
Их призовет своей трубой.

И в град грядущего, ликуя,
Они войдут, как в некий храм,
И вознесется "Аллилуйя"
Навстречу бурям и громам.

Тогда, о Боже, к смерти, к ранам,
Ко всей их скорби мировой,
Теперь тобою осиянным,
Мы, люди, бросимся толпой.

Твоя любовь есть бесконечность;
И ради их нас не кляня,
Ты, Господи, введешь нас в вечность
Невечеряющего дня.

1927

Георгий РУСАКОВ

ОВАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ

Мне кажется, у Вас - лиловый, хрупкий голос,
С надрывом прерывность литературных фраз;
В глазах - всегда печаль о том, что раскололось,
И в перстне - тлеющий, зловещий хризопраз.

В венике угасших дней - любовное Andante
И scherzo лжи, играющей в любовь.
Паденье, улица. Случайные аманты.
Привычка и тоска. И вновь тоска. И вновь.

Уныло за окном: чиновники, аптеки,
Ползут извозчики, как безысходный сплин...
Но вот друзья: в шкафу библиотеки
У Вас Ахматова, Оскар Уайльд, Кузмин...

Рояль всегда раскрыт. Меж черных клавиш пепел,
Хоть Вы не курите, и есть следы вина.
Красивый юноша, который Вам ответил,
Глядит со стен, и роль его ясна.

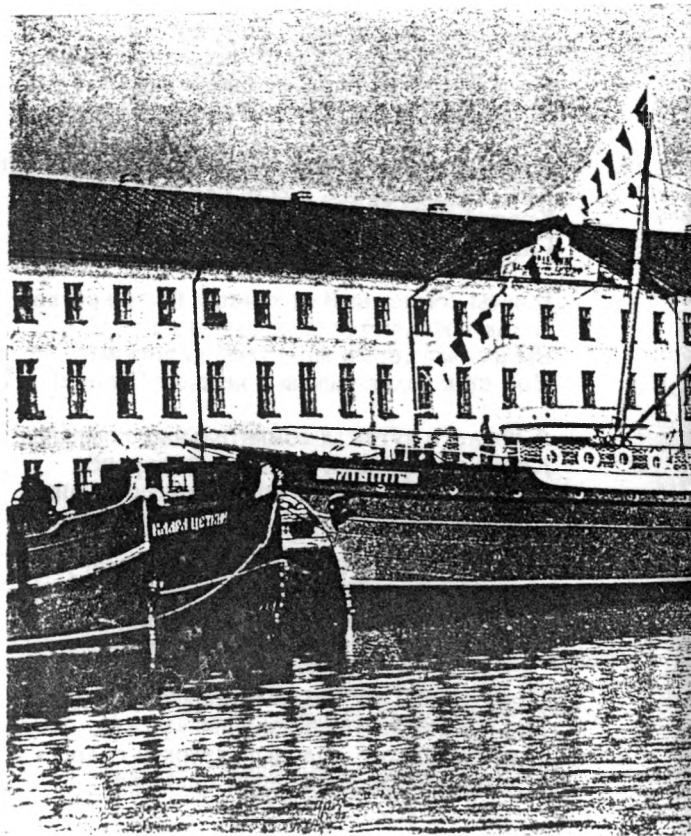
В часы сомнения Вам хочется быть кроткой,
А так кривляются программы кабаре!
Вы их сжигаете и молитесь по четкам.
Но... стук условленный и нежное: "Entrez!"

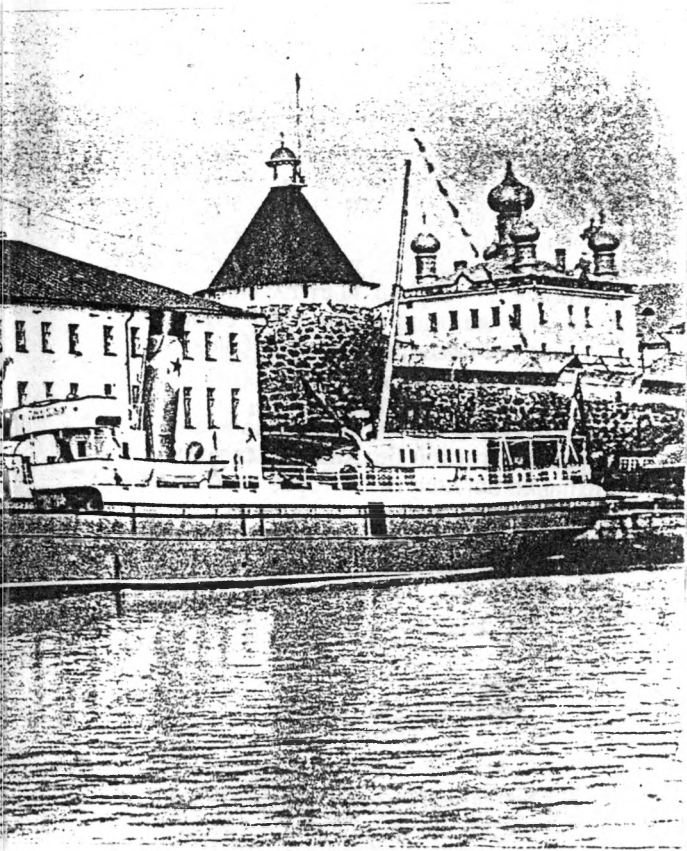
А после, в кутежах сомнительных компаний,
Когда уж пролили недопитый шартрёз,
Вы под нахлынувшей волной воспоминаний
Тихонько плачете, забыв стыдиться слез.

Теперь Вы в Соловках. Запросы Ваши узки:
Вам хочется себя хоть капельку сберечь -
Вы на ударниках остриете по-французски,
Слегка грассируя отточенную речь.

Пред зеркалом, седой выдергивая волос,
Вы, пудрой затушив излучины у глаз,
Читаете стихи - лиловый, хрупкий голос! -
И вспоминаете пропавший хризопраз.

/1926/

Авеншр ВАДБОЛЬСКИЙ ОСТРОВА

На переломе дня с материка печали
В забытый край монашеских седин
Еще один сюда случайный гость причалил
Искать покой у выброшенных льдин,
Как неизбежный ход в опустошенном зале.
А солнце из озерных пьет глубин,
Лучами шевеля по оживленной стали,
И тонет гордо царственный рубин -
На переломе дня.

Хотя б лучом одним полярные вуали
Сорвать с тоской безжизненных годин...
Тихонько заглянуть в сторванные дали -
Откуда звук не слышен ни один...
И улыбнуться вновь матерiku печали -
На переломе дня!

1927

ВСТРЕЧА

На перекрестке двух дорог
Забил родник случайной встречи,
Людьми был долго незамечен
Его порожистый исток.

Меня толкнул какой-то рок
На перекрестке этой встречи.
В тиши души моей отмечен,
Он льется, ровен и глубок.

Порой вода мутит и мечет
Струи случайные в песок -
Концы неезженных дорог
Тогда сливаются под вечер.

Какой-то шорох... чых-то ног
Крадется ночью незамечен,
И бьет родник случайной встречи
На перекрестке двух дорог.

1927

Владимир КЕМЕЦКИЙ

ИЗ ДНЕВНИКА

1

ПОСЛЕДНИЙ ПАРОХОД

Последняя сирена... И дуга
Расплывчатого дыма. Расставанье...
Будь счастлив, друг, унылое изгнанье
Со мной деливший. Заметет пурга

Твой легкий след. Иные берега
Увидишь ты, и в солнечном сиянии
Растает Севера воспоминанье,
И друга ты забудешь. Стынь, шуга.

Отныне жребий мой - из кельи сонной
Следить полет слепой и неуклонный
Широких туч, стремящихся на юг,

Смирять стихами памяти укоры -
И вслушиваться в беломорских выюг
От века нескончаемые споры.

1929

2

ФЕВРАЛЬ НА ОСТРОВЕ

О жизни и о радости вестей
Нам даже ветер не приносит боле...
Я покорился беспощадной воле
Судьбы - и хмелем пройденных путей

Упиться вновь не мыслю. Все черствей
И равнодушной становлюсь в неволе,
И чуждым внемлю я без прежней боли
Звучаниям полярных областей.

О, жизнь моя, ты полюса достигла
Недвижного - и дремлешь: вокруг тебя
Пурга взметает снеговые иглы,

И льды нагромождая и дробя,
Рокочет вал полуночного моря,
И стонут берега, глубинам вторя.

1929

3

ПЕРЕД НАВИГАЦИЕЙ

В иных краях безумствует земля,
И руки девушек полны цветами,
И солнце льется щедрыми струями
На зеленеющие тополя...

Еще бесплодный снег мертвит поля,
Расстаться море не спешит со льдами,
И ветер ходит резкими шагами
Вдоль ржавых стен угрюмого кремля.

Непродолжительною, но бессонной
Бледнозеленой ночью столько раз
Готов был слух, молчаньем истомленный,

Гудок желанный услышать, для нас
О воле приносящий весть, быть может...
Но все молчит. Лишь чайка мглу тревожит.

1929

Юрий КАЗАРНОВСКИЙ

Э П И Г Р А М М Ы

1

НА САМОГО СЕБЯ

Шумела юность в голове,
Все было розовым на свете,
И, развлекаясь в Москве,
СЛОНа-то он и не приметил.

М.ГОРЬКОМУ
(дружеская эпиграмма)

Писатель, трепетно любимый,
Зачем такой тяжелый путь -
Полотен бег неизмеримый,
Туман болот, давящий грудь.
Не лучше ль было, в самом деле,
Себя в пути не утомить,
А нас, всей шумною артелью,
К себе Вам в гости пригласить.

1929

Александр ПАНКРАТОВ

* * *

Мне грустно петь о Соловках,
О высоте твердынь кремлевских,
О ветре, дующем в лесах,
Кочующем на перекрестках,

И скучно думой измерять
Нас поглотившие пространства,
Иль соловецких зим убранство
В стихах беспечных прославлять.

Я песни строго берегу
Для необычных впечатлений, -
- Пройдя пути каких волнений,
Ты здесь, на нашем берегу?

Зачем в пустыне снеговой
Терзают памяти укоры!
- Смотрю внимательно порой
В твои встревоженные взоры.

И вот, незримые, ко мне
Растут протянутые нити...
- Не ты ль черницей в древнем ските
Таила думы в тишине?

Бреду за счастьем. Путь далек.
Возьми ж от странного знакомого
В дни скупое греющего солнца
Сельхозом взрощенный цветок.

1930

Ольга ВТОРОВА-ЯФА

ВСТУПЛЕНИЕ К ПОЭМЕ "КАНДАЛЬНЫЙ ЗВОН"

В мире есть место, где люди стареют
Вдвое скорее, чем в жизни обычной,
Место, где юноши даже седеют
В лютой тоске по отчизне привычной.

Там не живут - "отбывают срока",
Делают все "как-нибудь" - "на пока",
Не умирают там, а "загибаются",
Дети там лишь вне закона рождаются
И погибают один за другим.
Было то место когда-то святым,
Ныне УСЛОНОм оно управляется,
"Лагерем" громко оно называется,
"Каторгой" тихо клянут его люди.

Чем это место со временем будет?
Кто разгадает? Одно несомненно:
Будут сюда приезжать непременно
Из одного поколенья в другое,
Будет то место для многих родное
Горькою памятью прошлых страданий;
Свиток чудесных и жутких сказаний
Бережно будут разворачивать внуки.
Пусть же с другими не минут их руки
Также и этот правдивый рассказ,
Он хоть и плох, да зато без прикрас.

1930

Виктор ВАСИЛЬЕВ

СОЛОВКИ

В лалеском и студеном море
Есть острова.
За них идет борьба:
Черт с Богом в ссоре.
Но шерсть летит с таких, как я.

Черт был хитер.
Он долго колдовал над островами:
С друзьями ям наколупал.
Заставил грешный люд
 те ямы заполнять слезами.
Поэтому немало там озер.

Есть озеро с названием "Святое".
Купается в нем тень кремля.
Хватает в нем людского горя,
В нем не купается заря.

У гор история своя:
Их Бог нагреб над островами.
Голгофа есть, Секир-гора,
Дороги к ним протогганы грехами.

На островах гнездятся духи,
(их роль не так уже мала).
Дана им власть и ружья в руки,
Чтоб строже охраняли острова,

Чтоб грешники не убегали
С волною вольной за кордон,
Грехи свои слезами отмывали -
Таков на островах закон.

Кто главным здесь?
Я этого не знаю.
Возможно, Бог,
Возможно, черт.
Поэтому не предъявляю
За наши беды длинный счет.

1933

* * *

Подконвойный народ, в основном, молчаливый.
А молчать заставлял
 проштампованный срок.
Нас в бараке полно,
 и народ не трусливый,
но я чувствую: я одинок.

Жить с людьми,
спать с соседом на нарах
и молчать, словно рыба в сетях.
Это роль не моя.
 Забываю о карах.
Страх не свил в моем сердце гнезда.

Подберу я слова
 для соседа по нарам.
Он, как я, в этот час одинок.
Я воспитан общительной мамой недаром -
есть в душе для людей огонек.

Не беда, что меня он не сразу услышит
(может, горем полна голова),
будет время - поймет,
чем сосед его дышит...
Одиночество - это беда.

Нет средь нас от рожденья убогих,
а тюрьма - это наша вина.
Слишком много на воле людей одиноких,
кто молчит, что в стране
разгулялась чума.

1935

Ольга АДАМОВА-СЛИОЗБЕРГ

МЫ ИДЕМ ИЗ БАНИ

Мы шли понуро, медленно, без слов.
Серели в сумерках цепочкой силуэты.
А на небе малиновым рассветом
Окрашивались стайки облаков.

Еще молчали сонные дома,
Был воздух тих и сказочно прозрачен...
Но безнадежно каменно и мрачно
Смотрела Соловецкая тюрьма.

И прежде чем войти в окованную дверь,
Мы все взглянули в радостное небо....
Да, жизнь - непонятый и нерешенный ребус,
Цепь горестных ошибок и потерь.

1937 год. Соловки.

Юрий ЧИРКОВ

* * *

Был тихий вечер, солнце село,
Заря сгорела без следа.
На небосклоне потемнелом
Зажглась вечерняя звезда.

Чуть слышно волны шелестели
Внизу за каменной стеной.
Давно уж чайки улетели,
Их крик не нарушал покой.

И месяц, из-за стен поднявшись,
На башне шпиль посеребрил,
А под ногами лист опавший
Шаги неровные глушил.

Тишь кралась призраком разлуки,
Предчувствия сжимали грудь,
Друг другу в клятве сжавши руки,
Мы знали - ждет нас трудный путь.

Планвым нашим идеалам
Клялись быть верными всегда.
Темнела ночь, сильнее сияла
Во мраке первая звезда!

— — —

И мы решили: каждый вечер
С тех пор, как, друг, нас разлучат,
До дня веселой нашей встречи
Звезду вечернюю встречать.

Чтоб свет ее, спокойный, нежный,
Нас осенив в суровый час,
Соединил наш дух мятежный
И укрепил духовно нас...

Прошли года с последней встречи,
Не счесть загубленных тюрьмой!
И, словно траурные свечи,
Мерцают звезды над страной...

Но, как и прежде, каждый вечер
Звезды встречаю я восход,
Я верю: этот гнет не вечен,
И справедливость все ж грядет!

С тоской щемящей вспоминаю
Я боль и радость прошлых лет,
Но остров тот благословляю,
Где в грудь запал мне звездный свет.

Февраль 1940 года.
Ухтижмлаг.

ПРИМЕЧАНИЯ

СЕКИРНАЯ ГОРА. Секирная гора (Секирка) - место массовых казней. По воспоминаниям М.Розанова в его книге "Соловецкий концлагерь в монастыре. 1922-1939 гг.", за пение этой песни "тоже сажали в Секирку".

МОРЕ БЕЛОЕ - БОДНАЯ ШИРЬ. Песня написана в 1925 г. для концертной программы Соловецкого театра, в котором играли заключенные. Н.В.Энгельгардт-Чихевская вспоминает, что "на этом концерте присутствовал Г.Бокий и очень веселился и аплодировал". БОКИЙ Г.И. - член Коллегии ГПУ, заместитель Н.Урицкого по Петроградской ЧК. ФЕЛЬДМАН В.Д. - начальник Особого отдела ГПУ, по его рекомендации в Соловецком монастыре был устроен лагерь. ФИЛИППОВ - руководящий работник ГПУ. ВУЛЬ - начальник одного из отделов ОГПУ, будучи следователем Московской ЧК, отличался особой жестокостью применяемых при допросах пыток и истязаний, когда это получало огласку, его перевели на другую должность с повышением. КАТАНЯН - прокурор по надзору за действиями ОГПУ.

ФРОЛОВСКИЙ Михаил Николаевич (1895-1943) - инженер, находился на Соловках в 1925-1928 гг. ОТЕЦ НИКОЛАЙ (ЛОЗИНА-ЛОЗИНСКИЙ Владимир Николаевич) (1885 - ?) - священник, находился на Соловках в 1925-1928 гг.

ВЛАДБОЛЬСКИЙ Авенир Авенирович (1898-1930) - князь, офицер, находился на Соловках в 1925-1928 гг.

ХАРАТЧИНСКИЙ Виктор Федорович (1913-1937) - арестован будучи школьником, находился на Соловках в 1929-1933 гг.

КЕМЕЦКИЙ Владимир (настоящая фамилия - Свешников) (около 1910 - не раньше 1937) - поэт, журналист, находился на Соловках в 1926-1931 гг.

КАЗАРНОВСКИЙ Юрий (1904 - после 1954) - поэт, находился на Соловках в 1928-1932 гг.

ПАВКРАТОВ Александр Александрович (1902-1947) - литератор, слухающий, находился на Соловках в 1928-1933 гг.

ВТОРОВА-ЯФА Ольга Викторовна (1876-1959) - педагог, художница, находилась в заключении на Соловках в 1929-1931 гг.

ВАСИЛЬЕВ Виктор Георгиевич (род. 1916 г.) - рабочий, находился на Соловках в 1932-1937 гг.

АДАНОВА-СЛЮЗБЕРГ Ольга Львовна (1902-1991) - экономист, находилась на Соловках в 1935-1939 гг.

ЧИРКОВ Юрий Иванович (1919-1988) - ученый, доктор географических наук, арестован будучи школьником, находился на Соловках в 1935-1939 гг.

Биографическими сведениями о Борисе ЕВРЕИНОВЕ и Георгии РУСАКОВЕ составитель не располагает.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ УПРАВЛЕНИЯ СОЛОВЕЦКИХ ЛАГЕРЕЙ ОН ОГПУ

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	3
ПЕСНИ. Секирная гора	5
С утра до поздней ноченьки	
в лесу	6
Море Белое - водная ширь	6
Соловки	8
Михаил ФРОЛОВСКИЙ	
Соловки	9
"Тяжело сдавили своды..."	9
Борис ЕВРЕИНОВ	
Воскресным днем	11
Виктор ХАРАТЧИНСКИЙ	
Тиф	12
Отец НИКОЛАЙ (В. Лозина-Лозинский)	
"День погас... В туманной	
просини..."	13
"Над этим полным страха строим..."	14
Георгий РУСАКОВ	
Овальный портрет	16
Авенир ВАДБОЛЬСКИЙ	
Острова	20
Встреча	20

Владимир КЕМЕЦКИЙ	
Из дневника	21
Юрий КАЗАРНОВСКИЙ	
Эпиграммы	24
Александр ПАНКРАТОВ	
"Мне грустно петь о Соловках..."	25
Ольга ВТОРОВА-ЯФА	
Вступление к поэме	
"Кандальный звон".	26
Виктор ВАСИЛЬЕВ	
Соловки	28
"Подконвойный народ,	
в основном, молчаливый..."	29
Ольга АДАМОВА-СЛИОЗБЕРГ	
Мы идем из бани	30
Юрий ЧИРКОВ	
"Был тихий вечер, солнце село..."	31
Примечания	33

ИЛЛЮСТРАЦИИ

На обложке

Г.Нарбут. Соловки. Башня у озера. 1907 г.

Стр. 5

В.Данилова. Соловки. 1970-е годы.

Стр.18-19

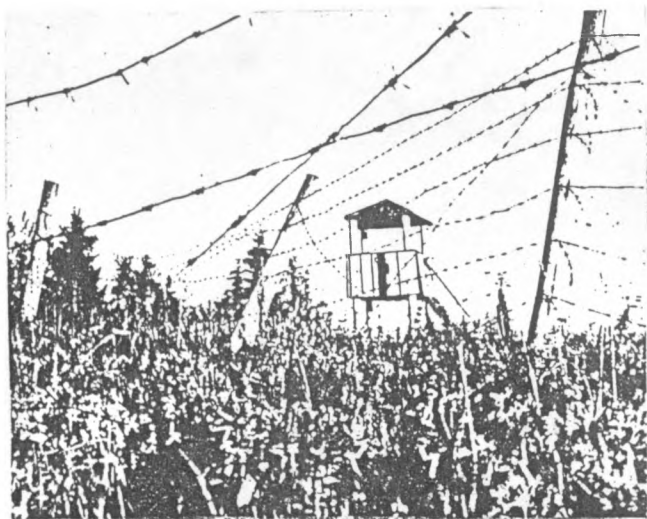
Пароход "Глеб Бокий" и баржа "Клара Цеткин"
у здания Управления СЛОНа. Фото 1926 г.

Стр.13,14 и 22

Соловецкий лагерь. Открытки, издаваемые
Управлением СЛОНа. 1930-е годы.

Стр.35

Неизвестный художник. Марка журнала "Соловецкие
острова". 1925-1930-е годы.

Следы УСЛОНа.

Фото Ю.Бродского.1990 г.

